

ЭКСПЕДИЦИЯ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ — ИСТОКИ РОДНОЙ РЕЧИ

ТЕРПЕНИЕ КАК АГИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Ю.В. Коренева

Кафедра истории русского языка и общего языкознания
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

Автор рассуждает о семантическом наполнении концепта «терпение» в житийном жанре на материале жизнеописаний Оптинских старцев. Сопоставляется семантическое наполнение концепта «терпение» в современном языковом употреблении и в житийном тексте, определяется, что «терпение» может рассматриваться как агиографический концепт.

Ключевые слова: терпение, концепт, агиография, семантический признак.

Православная культура и православный дискурс продуцируют определенные литературные и речевые жанры, в этой связи ученые говорят о социолекте православных верующих и православной языковой картине мира [4]. К церковной литературе напрямую принадлежит жанр жития, который имеет свою структуру и эксплицирует своими языковыми и функциональными средствами концептосферу православного языкового сознания. Возможно в этой связи говорить о существовании агиографической концептосферы, в которой концепты православного языкового сознания воплощаются в слове, определенным образом выстраиваясь вокруг макроконцепта «святой/святость» (применительно к человеку).

Типология житий может быть дана по разным признакам: по гендерному (мужские, женские, детские, возможно, семейные жития), хронологическому (здесь мы имеем хронологию развития церковной литературы с XI по XXI в. со всеми вытекающими особенностями литературоведческого и лингвистического толка), географическому принципу (жития святых северной России, жития тверских, рязанских, смоленских святых и т.п.), монастырскому принципу (здесь мы имеем дело прежде всего с патериками: Киево-Печерский патерик, Глинский патерик и др.). Наиболее закономерной типологизацией житийных произведений следует признать ту, которая опирается на тип святости, т.е. специфику духовного подвига, присущего подвижнику: жития мучеников, святителей, исповедников веры, благоверных, блаженных и юродивых, бессребреников, преподобных. Каждое житие через рассказ о святости человека — преподобного монаха, благоверного

князя, архиерея — наставляет нас в христианской жизни. Рассказывая нам о человеке, которого Церковь почитает в сонме святых, житие приближает нас к Богу, заставляя лишний раз задуматься о главной цели христианина — спасении души, стремлении в Царство Небесное. Объект описания в житийном тексте — человек, который по определению грешен и немощен, но который через служение и преодоление греха становится святым. В житии ведь главное не внешнее описание жизни, а ее внутреннее наполнение. Этот вектор внутреннего описания в жанре жития весьма сложен, ибо ограничивается, во-первых, временем создания жития святого: в средневековом русском/церковнославянском каноне не было места личностному подходу, это подтверждает и анонимность древнерусских текстов, и тезис Д.С. Лихачёва о монументализме древнерусской литературы, и движение литературы от теоцентризма через антропоцентризм к эгоцентризму [10. С. 74—77] и, во-вторых, ограничивается самим каноном написания житийного произведения.

Мы не ставим задачу выяснять, когда, при каких обстоятельствах и по каким причинам изменился (не изменился) житийный канон, язык житий, специфика описания центрального образа — святого подвижника. Наша задача состоит в выявлении тех важных, базовых моментов, которые строят внутреннюю жизнь героя жития.

Для жития преподобного монаха релевантными составляющими внутренней жизни будут концепты «смирение», «послушание», «служение», «молитва» и др. В этом ряду находится и слово *терпение*, которое имеет свою концептуализацию и, следовательно, имеет статус концепта для православного сознания. Концепт «терпение» и «терпение» как понятие в рамках концепта относятся к универсальным представлениям человека о себе и в социуме, и в природе. Концептуализация понятия/явления связана с его погруженностью в определенную культурную сферу и актуализацией в ней. Именно поэтому мы утверждаем, что «терпение» может рассматриваться как *агиографический концепт*.

Современное лингвистическое осмысление действительности связывает язык и сознание в лингвокогнитивных исследованиях, с разных научных позиций (работы в этой области Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Слышкина, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева и др.), устанавливая наличие в нашем языковом сознании концептов и их выражение в языке. Лексикографическое представление слова-имени концепта «терпение» в современном русском языке тесно связывает его с глаголом и дает информацию о том, что *терпение*: «1. Действие и состояние по глаг. терпеть в 1 знач.; способность терпеть, сила, напряжение, с к-рыми кто-н. терпит что-н. 2. Состояние по глаг. терпеть во 2 знач., настойчивость, упорство в каком-н. деле в ожидании результатов, перемены» [23]; также «1. Способность терпеть (1 зн.), стойко и безропотно переносить, сносить что-л. ... 2. Способность долго, настойчиво, упорно делать что-л.» [3]. Трактовка слова-имени концепта по мотивирующему глаголу представлена и в словаре В.И. Даля: «*Терпение*, состояние и свойство по глаг.; противополож. нетерпение, спешливость... ТЕРПЕТЬ, *терпливать* что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; || крепиться, об(пере)моргаться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; || ожидать,

выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; || снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; || не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать...» [21]. Парадигматические свойства слова-имени концепта можно изучать и через его синонимические свойства: «терпение — терпеливость, терпимость, снисхождение» [22], и через антонимические: «терпение — нетерпение» [20]. Дериваты данного слова, также как и его синонимо-антонимическая парадигма, малочисленны: «терпение — нетерпение, долготерпение» или же отсутствуют, а основное деривационное гнездо выстраивается у мотивирующего глагола «терпеть» [26. С. 480]. Отсутствие деривационных способностей слова-имени концепта может быть объяснено через семантическую полноту слова: в языковом сознании *терпение* — нечто ограниченное по объему, возможно, в форме сферы/шара (*терпение лопнуло* — *шарик лопнул*), имеющее при этом довольно тонкую и непрочную оболочку (чтобы лопнуть — много усилий не нужно), нечто заполняемое чем-то (образ чаши как вместилища — *чаши терпения переполнилась*, библейский по происхождению фразеологизм с измененной эмоциональной оценкой). Русская фразеология расширяет спектр семантических признаков концепта «терпение». Приведем здесь лишь некоторые ФЕ: *терпение и труд все перетрут, терпеть не может, терять терпение, терпение лопнуло*. По данным Национального корпуса русского языка (основной корпус, 1300 документов, 2142 вхождения) слово-имя концепта «терпение» встречается в окружении существительных (*терпение и труд, терпение и воля, терпение и выдержка, терпение и стойкий характер, терпение и надежды*), прилагательных (*мужественное, кроткое, необычайное терпение*), глагольных форм (*терпение имеют, теряют, проявляют; оно кончается, лопается, истощается, вознаграждается*). По данным церковно-богословского подкорпуса (48 документов, 102 вхождения) слово-имя концепта «терпение» может характеризоваться как *бесконечное, большое, великое, ничем не сокрушимое, ликующее*; терпение воспринимается как *добродетель, подвиг, плод любви, плод Духа Святаго*, человек его *имеет*, и оно необходимо человеку для *борьбы против страстей и приобретения чистоты*, оно *воспитывается* в человеке, ему *учатся*, оно *подвергается искушению* и *дается по молитве Господом* [12].

Ассоциативный потенциал слова-имени концепта «терпение» для носителей русского языка, живущих в Советском Союзе и советскую эпоху, таков: терпение (что?) связано с *трудом, волей, выносливостью, характером*; оно (делает?) *лопнуло, истощилось, кончилось, ждать*; оно (какое?) *безграничное, великое, долгое, большое, железное* [16. Т. 1. С. 654]. Эти данные показывают, что прямых религиозных ассоциаций это слово не вызвало: из 102 реакций лишь по одной — *ангельское* (с большой натяжкой эту реакцию можно признать собственно религиозной) и *церковь*. Также не содержится никаких указаний на религиозный компонент содержания в данном концепте и в словарях идеографического типа: терпение определяется как «настойчивость» [17. 3. 4989], как «способность переносить что-либо» [17. 3. 4999], терпение отнесено к тематическому классу «черты характера, отражающие волевые качества человека» [19. С. 634].

Структурно слово *терпение* — отглагольное суффиксальное существительное, номинативная единица со значением предметности и одновременно с семан-

тикой процессуальности и длительности (терпение не одномоментно, оно хронологически растянуто), суффикс -ениj- как словообразовательная единица выделяется «в именах существительных среднего рода, которые обозначают предмет или явление, характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом» [7]. В житиях святых частотны слова *терпение, спасение, моление, смирение, псалмопение, хваление* и под. Отглагольность существительного ярко себя проявляет, как мы уже убедились, и в его семантике.

Концепт «терпение» с учетом рассмотренных данных для современного русского языка может быть семантизирован в следующих пределах: «некое состояние человека, в котором человек способен долго и спокойно переносить, выдерживать какое-либо воздействие, делать что-либо» (ср. толкование в [2. С. 194, 200]); данный концепт не обладает в обыденном языковом сознании религиозными чертами. В сфере христианской, напротив, терпение как концепт обладает специфическим наполнением, это «добродетель, состоящая в благодушном перенесении всех бед, скорбей и несчастий, неизбежных в жизни почти каждого человека» [1], поэтому концепт «терпение» относится к внутренней жизни подвижника, являясь при этом собственно антропоцентрическим в христоцентричном сознании православного верующего.

Каждый агиографический концепт, имеющий словесное обозначение и представление в тексте жития, осмысливается нами с этимологических позиций, далее закономерно установить понятийно-семантические признаки слова-имени данного концепта в русском и церковнославянском языковом пространстве и, наконец, определить тот семантический спектр, в пределах которого данный лингвоконцепт функционирует в агиографической концептосфере.

Этимология слова *терпение* через корневую морфему трактуется как «цепенеть, застывать» [27. Т. 4. С. 49], возводится к «о.-с. * *tyrēti*, и.-е. корень *(s)ter- [:(s)tor- : *(s)tro-], расширитель -p-. ср. лит. «неметь, коченеть, делаться бесчувственным» [28, Т. 2. С. 239].

Исторические словари и словари церковнославянского языка семантизируют *терпение* как «стойкость, терпение... выдержка; терпимость; надежда, упование» [25. С. 704—705]; «иногда: упование, надежда» [14. С. 715]; «стойкость, терпение, старательность, внимательность» [11. Т. 3. Ч. 2. С. 1087—1088]; «великодушное и безропотное перенесение бедствий; снисхождение... спокойно ожидать исполнения желаемого» [24. Т. 4. С. 278]. Сопоставление русского слова *терпение* с древнегреческими словами, которые переводились этим русским словом, в основном это: 1) ὑπομονή — выдерживание, перенесение, стойкость, терпение [5. Стлб. 1293], от глагола ὑπο-μένω оставаться (некоторое время на месте); 2) поджидать, ожидать, ждать; 3) выдерживать (напор врага), в котором μένω — оставаться, пребывать (на месте, неподвижным, в силе, при чем либо); выдерживать (напор, нападение); ждать, ожидать [5. Стлб. 796] и ὑπο — о месте, на вопрос где?; в пер. о подчиненности, зависимости; о времени; о месте, на вопрос куда?; в сложных словах — движение подо что или к чему, пребывание под чем; подчинение или подчиненность; тайное, незаметное, постепенное действие; приблизительность качества [5. С. 1286—1287]; 4) христианский контекст бытования древнегреческих слов представлен в Греческо-русском слова-

ре Нового Завета, в котором слово *терпение* соответствует словам ὑπομονή — стойкость, выдержка, твердость, мужество [6. С. 217]; μακροθυμία — терпение, стойкость, твердость; терпимость [6. С. 133]; καρτερέω — быть стойким (твердым, терпеливым) [6. С. 113]; ἀνεξίκακος — терпеливый, незлобивый [6. С. 25]; ἑγκράτεια — сдержанность, самообладание, умение владеть собой [6. С. 66].

Таким образом, этимологические данные и греческие параллели свидетельствуют, что терпение — некое неподвижное, застывшее состояние тела и души для выдерживания, перенесения какого-либо внешнего или внутреннего воздействия.

Семантические признаки, присущие репрезентантам концепта, устанавливаются контекстуально. Так как для церковнославянского языка и церковнославянских текстов не имеется в наличии ни идеографических, ни ассоциативных словарей, ни когнитивных исследований, единственным возможным фиксированным источником такого рода информации становится сам житийный текст. Возвращение житийного жанра в состав русской духовной литературы, посредничество между религиозным и обыденным сознанием с дальнейшим сведением сознания к религиозному закладывает определенную почву для воспитания того образа мыслей и, следовательно, образа жизни, который присущ православной России — Святой Руси — православного мышления и, следовательно, православного языкового сознания. Агиография как свидетельство живой веры в Бога фиксирует историю святости. Источник святости христиан — в святости Христа, подлинная святость возможна только в Церкви, вне истинного христианства она недостижима, существо святости заключается в обожении [13. С. 8]. В структуре житийного произведения концепт «святость» является центральным, базовым. Остальные концепты агиографической концептосферы входят в поле макроконцепта «святость».

В русской религиозной культуре жития святых призваны воспитывать читателя-слушателя через описание жизни святого. Номинации святых: мученик, преподобный, благоверный, равноапостольный и др. — возникают в зависимости от того служения и духовных подвигов, которые совершал этот человек в своем стремлении к Богу. С развитием монашества появляется подвиг преподобных отцов, прославляемых Церковью за достижение святости путем монашеской аскезы. Сущность подвига преподобных монахов [о слове *преподобный*: 9] определяется нестяжанием, безбрачием (основа монашества), телесным (пост, послушание) и душевным (исполнение евангельских заповедей и молитва) деланием. «Душевное делание является центром всего подвига преподобных, оно возводит подвижника к богоподобию, наполняет его дарами Святого Духа...» [13. С. 140].

В исследуемых житиях (жития преподобных Оптинских старцев, XIX—XX вв., которые «стали образцами агиографической литературы XIX—XX вв. ... Достоверность повествования подчеркивалась и тем, что жизнеописание составлялось близкими учениками старцев, а также содержало целые блоки воспоминаний современников, отрывки из писем» [8. С. 250]) концепт «терпение» наполняется следующими семантическими признаками:

‘отношение к людям’: «Глубокое человеколюбие и всепрощение давали Настоятелю *силы терпеливо и сострадательно носить немощи ближних*» [прпмч. Исаакий: 15. С. 494];

‘перенесение страданий’: «Изнемогая от слабости, Преподобный смиренно терпел все, беспрекословно выполняя ее требования» [прп. Никон: 15. С. 464]; «Мучители добивались от арестованных признания в предъявленных им ложных обвинениях. Но страдальцы мужественно все терпели» [прпмч. Исаакий: 15. С. 502—503];

‘физическое свойство’: «Отличительной чертой характера Коли [прп. Никона] еще в детстве было большое терпение» [прп. Никон: 15. С. 445];

‘добродетель’: «Напоминая о том, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14, 22), он учил великой добродетели терпения, помогал, утешал и укреплял их в вере» [прп. Никон: 15. С. 469];

‘неотъемлемое свойство характера’: терпение мыслится вместе со смирением, молитвой, покаянием, сострадательностью: «По воспоминаниям, основными чертами Старца были смирение, кротость, мудрость. Духовных чад своих он особенно приучал к смирению и терпению. Часто наставлял: “Всюду надо терпение, смирение и покаяние”» [прп. Нектарий: 15. С. 420];

‘необходимость’: терпение должно быть при невзгодах и испытаниях, посылаемых от Бога: «Но преподобный Никон с великим терпением переносил все невзгоды, посылаемые ему для испытания веры и укрепления на крестном пути» [прп. Никон: 15. С. 454];

‘большой объем/запас’: терпение может быть большим, беспрекословным, необходимым: «По молитвам Преподобного люди, утратившие смысл жизни, выходили из его келлии утешенные, хотя он никому не обещал, что беды скоро прекратятся, напротив, говорил, что надо готовиться к еще более тяжелым испытаниям, и наставлял о необходимости терпения и молитвы» [прп. Нектарий: 15. С. 427—428]; терпения должно быть много, по словам прп. Амвросия Оптинского, «чтобы жить в монастыре, надо терпения не воз, а целый обоз» [18. С. 305].

В житийных текстах концепт «терпение» эксплицируется прежде всего одноименным существительным и некоторыми дериватами, как-то: *долготерпение*, *претерпевание*, которые в исследуемых текстах единичны; далее по частотности идет глагол *терпеть* и наречие *терпеливо*. В других случаях концепт «терпение» проявляет себя в словосочетании *переносить тяготы и немощи* и встречается в окружении таких слов, как *смирение*, *скорбь*, *молитва*. В агиографическом повествовании «терпение» соотносится семантически со всеми концептами в поле макроконцепта «святость», в том числе: «спасение», «грех», «послушание», но наиболее тесно связан с концептами «скорбь» и «смирение».

Семантическое наполнение концепта «терпение» в структуре житийного текста более широко и разнообразно по сравнению с современным языковым употреблением [12]. Базовыми семантическими признаками, восходящими к этимону слова-имени концепта, следует признать ‘стойкость, неподвижность’, остальные выделенные признаки ‘перенесение страданий’, ‘необходимость (терпения)’, ‘большой объем/запас (терпения)’, ‘неотъемлемое свойство характера’ показывают, что терпение воспринимается как добродетель, обладает социокультурным статусом в православной сфере и поэтому может рассматриваться как агиографический концепт.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библейская энциклопедия. — 3-е изд. — М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. URL: <http://www.yandex.ru/slovari>
- [2] Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. — 2-е изд., стер. / Под ред. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
- [3] Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. — СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>
- [4] *Бугаева И.В.* Язык православных верующих в конце — начале XXI века: Монография. — М.: Изд-во РГАУ: МСХА им. К.А. Тимирязева, 2008.
- [5] *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006.
- [6] Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана / Перевод и редактирование В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной и И.С. Козырева. — М.: Российское Библейское общество, 1997.
- [7] *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
- [8] *Каширина В.В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. — М., 2006.
- [9] *Коренева Ю.В.* Преподобный, подобный // *Русская речь*. — 2010. — № 5. — С. 71—78.
- [10] *Левшун Л.В.* История восточнославянского книжного слова XI—XVII вв. — Минск: Экономпресс, 2001.
- [11] Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского / И.И. Срезневский. — СПб., 1893.
- [12] Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- [13] *Никulina Е.Н.* Агиология: курс лекций. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.
- [14] Полный церковно-славянский словарь. Протоиерей Г. Дьяченко. — М.: Отчий дом, 2001.
- [15] Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Изд. 2-е. — Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2004.
- [16] Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. — М.: АСТ: Астрель, 2002.
- [17] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 1998. URL: <http://www.slovari.ru>
- [18] Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. — М.: ДАРЬ, 2007.
- [19] Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексич. списков: от 500 до 5000 самых важных рус. слов / Под ред. В.В. Морковкина. — М.: Астрель: АСТ, 2003.
- [20] Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар / М.Р. Львов, 2002. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>
- [21] Словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <http://slovari.yandex.ru>
- [22] Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>
- [23] Словарь русского языка Д.Н. Ушакова. URL: <http://slovari.yandex.ru>
- [24] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд.: в 2 кн. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001.
- [25] Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1999.

- [26] *Тихонов А.Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. — 3-е изд. — М.: Культура и традиции, 1996.
- [27] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 3-е изд., стер. — СПб.: Terra-Азбука, 1996.
- [28] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1—2. — М.: Русский язык, 1993.

PATIENCE AS A HAGIOGRAPHIC CONCEPT

Y.V. Koreneva

Chair of Russian Language History and General Linguistics
Moscow State Regional University
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105005

The article discloses the meaning of the concept “Patience” in hagiographic genre on the material of the Optina Elders’ biographies. Semantic contents of the concept “Patience” is compared in the modern language and in hagiographic texts. We find out that patience can be seen as a hagiographic concept.

Key words: patience, concept, hagiography, the semantic feature.